

Глава 19: Слежка

Суй Цзымин и Шэнь Цзюцзю покинули кабинет под провожающим взглядом Пэй Ду.

Молодой человек опустил голову и посмотрел на полного сил и энергии птенца, уместившегося на его ладони.

— Ты его донял?

Шэнь Цзюцзю, который всю ночь с энтузиазмом предлагал разделить ложе, возмущённо зачирикал и захлопал крыльями по руке Суй Цзымина, поторапливая его.

— Подожди, выйдем чуть позже... Да не трепыхайся ты! Упадёшь ведь, летать-то не умеешь!

Суй Цзымин накрыл мечущегося птенца второй ладонью.

— Я ещё даже не завтракал!

Шэнь Цзюцзю с усилием протиснул голову в отверстие между большим и указательным пальцами.

— Цзю-цзю-цзю.

Суй Цзымин, прекрасно ориентировавшийся в резиденции Пэй, уверенно зашагал в сторону кухни, не выпуская птенца из рук.

— Крохотное создание, а клюв не закрывается. Только вот мы, простые смертные, птичий язык не разумеем.

— Цзю-цзю-цзю! — возмутился Шэнь Цзюцзю.

«Это ты кого цыплёнком назвал?!»

— Цып-цып-цып-цып-цып! — передразнил его Суй Цзымин.

Шэнь Цзюцзю сжал коготки и уже было раскрыл клюв, чтобы клюнуть обидчика, но кулаки так и не пустил в ход.

Суй Цзымин, обладавший молниеносной реакцией, тут же сунул ему в клюв кусочек вяленого мяса.

Птенец замер.

Давно забытый мясной аромат сделал его взгляд ясным и осмысленным. То, что для человека было жестковатым и застревало в зубах, для маленькой птички оказалось в самый раз. Прижав лакомство лапкой, он с наслаждением принялся отрывать от него кусочки.

Позабыв о ссоре, Шэнь Цзюцзю с головой ушёл в своё занятие.

— Вкусно, правда? — Суй Цзымин подбросил в руке мешочек с вяленным мясом и самодовольно вскинул бровь. — Я специально велел нарезать его помельче, как раз для твоего клювика.

В птицеводстве он был знатоком, куда уж его кузену тягаться с ним. Усмирить вспыльчивого птенца — пара пустяков.

«Хм, вернётся этот Цзюцзю с прогулки, так я его уболтаю фамилию на Суй сменить».

Суй Цзымин, шедший быстрой, летящей походкой, заглянул на кухню и, по-свойски поздоровавшись с главным поваром, сунул за пазуху несколько завёрнутых в промасленную бумагу пирожков и тут же отправился дальше.

Увидев, что тот направляется напрямик к воротам, Шэнь Цзюцзю прервал трапезу и, хлопнув крылом по его запястью, указал в сторону сада.

— Эй, дыплёнок, это же сад моего кузена, — Суй Цзымин шутливо взъерошил пёрышки на его голове. — Туда нельзя просто так входить!

Шэнь Цзюцзю одарил его презрительным взглядом.

«Тоже мне, сад. Кому не известно, что задний двор господина Пэй пустует. Хотя, если говорить о том, кто согревает ему постель по ночам... так вот же он, в руках у Суй Цзымина».

Суй Цзымин, конечно же, просто дразнил его. Увидев, что у птенца есть своё мнение, он последовал его указаниям. Он прекрасно помнил взгляд, которым Пэй Ду одарил его, выпроваживая из кабинета. За годы их братской дружбы он научился понимать кузена без слов. Тот определённо хотел, чтобы он слушался этого пушистого комочка, а вечером всё ему доложил.

Суй Цзымин слишком хорошо знал своего двоюродного брата.

В юности, когда семья Пэй ещё не пришла в упадок, Пэй Ду был настоящим сорванцом и вечно подбивал младшего кузена на всякие шалости. Но стоило им напроказничать, как Пэй Ду с невозмутимым видом застывал на месте и молчал, а всю вину сваливали на Суй Цзымина. Хитрости в нём было больше, чем сот в осином улье.

Теперь, когда о первом советнике Пэй говорили как о человеке учтивом, изысканном, благородном и скромном, Суй Цзымину оставалось лишь мысленно плевать.

Пэй Ду был невероятно злопамятен.

В детстве один из родственников со стороны бабушки отнял у него пирожное из конского каштана и обозвал беспризорником. Взрослые не придали этому значения и заставили их помириться, и Пэй Ду с подобающей случаю покладистостью согласился, что это пустяк.

А через полмесяца у того мальчишки от сладкого разболелись зубы, и ему пришлось выпить три чаши горького отвара, от которого он ревел на весь дом.

Суй Цзымин тогда, глядя, как Пэй Ду аккуратно складывает в шкатулку фантики от конфет, почувствовал, как у него самого заныли зубы.

Задумавшись, он и не заметил, как оказался у пруда в саду, где его уже ожидала стая щебечущих воробьёв.

Суй Цзымин и вправду разводил птиц, но предпочитал могучих кречетов — настоящая мужская романтика, а не этих... пищащих, сбившихся в кучу, теснящих друг друга мелких пташек, от вида которых рябило в глазах.

Он с каменным лицом посмотрел на Шэнь Цзюцзю и вытащил из-за наруча недоеденный

кусочек вяленого мяса.

Шэнь Цзюцзю, занятый переговорами со своими пернатыми соратниками, тут же вскинул крыло, останавливая его, и лапкой затолкал мясо обратно.

«Ты что творишь! Совсем безрассудный? Здесь столько птиц! Если ты сейчас достанешь угощение, как я потом буду их мотивировать?»

От птичьего гвалта у Суй Цзымина загудело в голове.

Завершив переговоры, Шэнь Цзюцзю с довольным видом вспорхнул ему на плечо и, взмахнув крылом, отдал приказ выступать.

Воробьи, получившие обещание щедрой награды, разом взмыли в воздух и, усевшись на ветвях деревьев и ограде, выжидающе посмотрели на своего предводителя.

— Что ж, я ещё не стал генералом, а уже служу скакуном для нашего генерала-пташки, — усмехнулся Суй Цзымин, глядя на это зрелище.

— Цзю! — гордо выпятил грудь Шэнь Цзюцзю.

«И хорошо, что понимаешь!»

Раньше над воротами резиденции Пэй висела табличка с надписью «Дом князя-умиротворителя государства». По идее, Пэй Ду, унаследовав титул, мог бы её оставить, но он настоял на том, чтобы снять её и отнести в родовой храм, а вместо неё повесить простую — «Резиденция Пэй».

Хотя дом князя-защитника государства сейчас переживал не лучшие времена, благодаря былым заслугам предков он располагался не так уж далеко, всего в двух улицах отсюда.

Правда, Шэнь Цзюцзю совершенно не помнил дороги, поэтому решил для начала познакомить свою пернатую армию с этим незадачливым юношей.

Он подозвал нескольких воробьёв, и те уселись на Суй Цзымина.

— Вот за этим человеком я хочу, чтобы вы присмотрели. Если он отправится в лес за городом, немедленно возвращайтесь и сообщите мне.

Воробьи выстроились в ряд на плечах Суй Цзымина и принялись по-своему его изучать и запоминать.

— Хорошо.

— Без проблем.

— Он вкусно пахнет.

— Птичкам нравится.

— И мне тоже.

Суй Цзымин вытащил из рукава нескольких особо настырных пташек и, повернувшись к длиннохвостому командиру на своём плече, воскликнул:

— Шэнь Цзюцзю! Уйми своих солдат! Что за распущенность!

Тот с невозмутимым видом отвернулся и мелодично свистнул.

В глазах Суй Цзымина читалось откровенное недоумение. Он что, и пальцем не пошевелит?

— Я, между прочим, отложил все важные дела, чтобы составить тебе компанию... — пробормотал он.

Шэнь Цзюцзю счёл возможным снизойти до того, чтобы утешительно, хоть и весьма небрежно, коснуться кончиком крыла его виска.

Впрочем, было очевидно, что Суй Цзымину и вправду нравятся птицы.

Пусть он и предпочитал грозных хищников, вроде А Са, но и к этим малявкам проявлял удивительное терпение. Даже когда воробьи один за другим пытались забраться к нему в рукав, он лишь мягко извлекал их оттуда и сажал на подол своей одежды, а не отбрасывал прочь.

Мелодия, которую мурлыкал себе под нос Шэнь Цзюцзю, неожиданно сменилась на мотив какой-то странной песенки: «Сразу видно, что он принцесса...».

Он и сам не помнил, о чём была эта песня со странными словами, но почему-то она идеально подходила этому другу пернатых.

Длиннохвостый птенец широко зевнул.

Он как раз размышлял, как бы объяснить не понимающему птичьего языка Суй Цзымину, что нужно отвести воробьёв к дому князя-защитника государства, чтобы те запомнили место, как вдруг увидел, что тот достал остатки вяленого мяса и, разорвав его на тонкие волокна, принялся кормить воробьёв одного за другим.

Шэнь Цзюцзю замер.

«Это... это же моё!»

— Послушай, раз уж мы выбрались, может, есть место, куда ты хотел бы сходить? — Суй Цзымин выставил руку, преграждая путь разгневанному птенцу. — Или, может, хочешь повидать кого-то из старых знакомых?

Шэнь Цзюцзю остановился и уставился на него своими круглыми глазками-бусинками.

— Эх, вы, книжники, вечно всё усложняете, — усмехнулся Суй Цзымин, продолжая кормить воробьёв. — Я не мой кузен, птичьего языка не понимаю. Так что говори прямо, куда хочешь. Пойдём по магазинам за лакомствами — хлопни меня раз. Посмотреть на акробатов — два раза...

Он перечислил ещё несколько вариантов и, заметив, что птенец снова сжимает коготки, неторопливо закончил:

— А если в дом князя-защитника государства, то ударь меня...

Не дожидаясь, пока тот договорит, Шэнь Цзюцзю, вцепившись в ленту, вплетённую в его волосы, взобрался на головной убор и принялся яростно колотить его по макушке.

Крылья замелькали с такой скоростью, что, казалось, вот-вот высекут искры.

Суй Цзымин громко рассмеялся. С целой стаей воробьёв на одежде и Шэнь Цзюцзю на голове, он, выбрав неприметные улочки, чтобы избежать лишних глаз, через некоторое время оказался напротив ворот дома князя-защитника государства.

Они прибыли как раз вовремя. К воротам подъехала карета, из которой с надменным видом вышел юноша в роскошных одеждах. Бросив веер подобострастно кланявшемуся слуге, он с самодовольным видом скрылся за воротами.

Хвостовые перья Шэнь Цзюцзю от напряжения упёрлись в головной убор Суй Цзымина, и их кончики показались с другой стороны.

Это был Шэнь Юань, сын мачехи Шэнь Синэня, госпожи Чжоу.

По идее, имя Шэнь Синэня тоже должно было состоять из двух иероглифов, а второе имя он получил бы по достижении совершеннолетия. Но он родился слабым, и его мать, Се Цзинтан, отправилась в храм Цзюхуа, где монах дал ему имя Синэнь, надеясь, что оно отведёт от сына беду.

«Встретив воду, превратись в ручей, живи долго и будь здоров».

Шэнь Синэнь и вправду избежал гибели от воды, но так и не смог увидеть весну.

— В последнее время Шэнь Юань сблизился с наследником князя У, Чжэн Минем, — Суй Цзымин оторвал полоску вяленого мяса и поднёс к своей голове. — Тот вырос в своих владениях и только недавно вернулся в столицу. Но раз он водится с таким ничтожеством, как Шэнь Юань, то, боюсь, и сам он... Ай!

Не успел он договорить, как Шэнь Цзюцзю со всей силы клюнул его в макушку.

«Не смей недооценивать главного героя, несчастный пушечный корм!»

Да, наследник князя У и был главным героем того романа.

Чжэн Минь — имя, казалось бы, простое и скромное, но у него было и второе, данное ему отцом, князем У, и полное честолюбивых устремлений.

Чжэн Чжаолинь.

«Пусть солнце и луна сияют ярко, а ты будешь править Поднебесной».

Именно такого финала и достигал герой в конце романа.

На том шёлковом свитке, что нашёл Шэнь Синэнь, были кратко изложены личность главного героя, его соратники, возлюбленные и его конечная цель — всё самое важное.

В то время Шэнь Синэнь ещё не был знаком с Пэй Ду, и для него существовало два пути: либо держаться подальше от главного героя и не иметь с ним ничего общего, либо попытаться сблизиться и заручиться его поддержкой. В любом случае, всё, что связано с ним, нужно было помнить.

В том сне Шэнь Синэнь нашёл записи о Суй Цзымине, но имени Пэй Ду на свитке не было.

Это было и хорошо, и плохо.

Хорошо — потому что Пэй Ду, скорее всего, не был второстепенным персонажем, который рано или поздно столкнулся бы с главным героем и стал бы для него очередной ступенькой к успеху.

Плохо — потому что, учитывая его высокое положение и власть, он вполне мог оказаться главным злодеем, которого герою предстояло свергнуть.

В романах, особенно в жанре мужского фэнтези, герои всегда на стороне добра, а злодеи — коварны и многолики.

Но Шэнь Цзюцзю не понимал.

Как такой хороший человек, как Пэй Ду, мог стать злодеем?

Неужели всё дело было лишь в том, что они оказались по разные стороны баррикад?

А если нет, то что могло превратить Пэй Ду, который с такой нежностью и терпением относился даже к маленькой птичке, в типичного злодея из романа?

Если предположить, что Пэй Ду ожесточился, то что послужило тому причиной?

Шэнь Цзюцзю опустил голову и взъерошил волосы на голове Суй Цзымина, вызвав у того преувеличенно страдальческий стон.

«Неужели... из-за смерти Суй Цзымина?»

— Цзю-цзю, цзю-цзю-цзю-цзю-цзю, цзю-цзю-цзю-цзю-цзю-цзю.

«Мне нужно, чтобы вы следили за этой резиденцией. Если туда будут ввозить или вывозить что-то крупное или появятся незнакомцы, немедленно доложите мне. Вестников ждут мясо, фрукты и просо в неограниченном количестве».

Суй Цзымин услышал, как Шэнь Цзюцзю на его голове вдруг издал серию спокойных, но почему-то неуловимо напоминающих интонации Пэй Ду, трелей.

«Надо же, всего несколько дней с кузеном провёл, а уже пропитался его духом».

Пока он размышлял, воробьи, сидевшие на нём, один за другим принялись восторженно щебетать в ответ.

— ...Послушайте, мы же вместе пришли, может, и меня в разговор посвятите? — взмолился Суй Цзымин.

Шэнь Цзюцзю мягко погладил его волосы коготками.

«Не волнуйся, мой маленький неудачник, Цзюцзю спасёт тебя».